А. Благов

А. БЛАГОВ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

АЛЕКСАНДР БЛАГОВ

СТИХИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

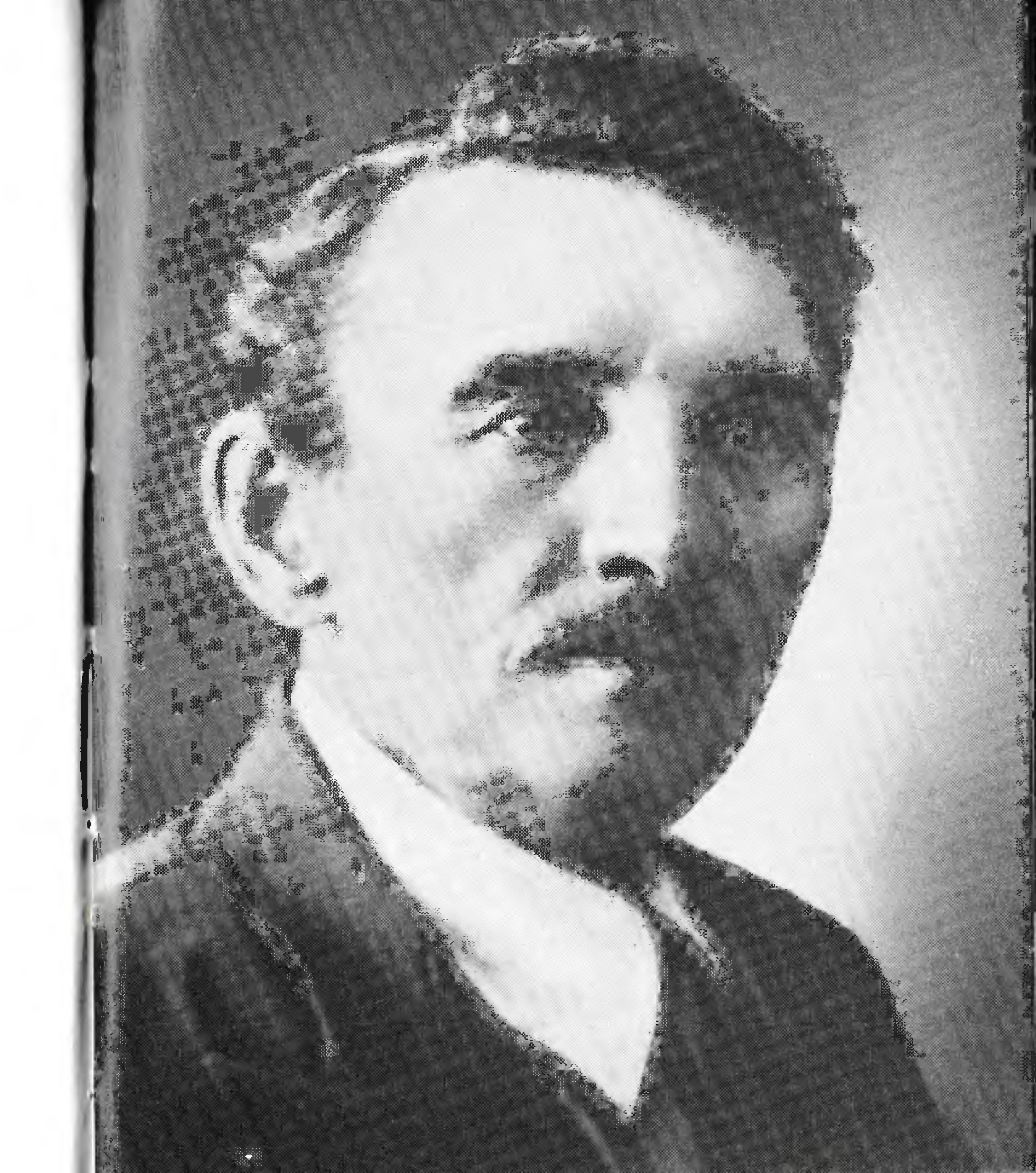
Р2
Б 68

Вступительная статья
М. А. Дудина

Составление и подготовка текста
В. С. Жукова

Б $\frac{70402\text{-}315}{028(01)\text{-}77}$ 94-76

СВОЙ ПОЭТ

Перед памятью о нем я всегда чувствую себя виноватым, потому что обязан ему очень многим и в своей литературной судьбе, и просто в жизни. У каждого поэта должен быть свой поэт, и им стал для меня Александр Николаевич Благов. Он был тем старшим товарищем, слово и пример жизни которого были для меня образцом и ориентиром в моей ранней самостоятельности.

Мне шел пятнадцатый год. У меня не было никого и ничего, кроме неопределенных планов на будущее. И я поступил в Ивановскую текстильную фабрику-школу на ткацкое отделение. Сама школа, только что отстроенная, находилась в центре города, рядом с музеем на улице Батури-

на, а общежитие — в конце этой же улицы, в двухэтажном красного кирпича фабричном корпусе, где среди сотни коек, накрытых разноцветными одеялами, было и мое место.

Один день мы учились, другой — работали на «Дзержинке номер два», маленькой фабрике, снабженной ткацким оборудованием всех систем. Фабрика эта была на окраине города, на берегу Уводи, около городского парка культуры и отдыха. И мы бегали туда на работу, через весь город, вставая вместе со всем городом в четыре часа утра.

Со мной на одной парте сидел угрюмого вида парень, высокого роста, крепкого сложения, стриженный под машинку. Он смотрел исподлобья и старался выдвинуть подбородок вперед, подчеркивая и без того заметное сходство с юным Маяковским. Он даже ноги расставлял широко, как Маяковский, и басил. Он писал стихи и однажды показал мне целую тетрадку вырезок из газеты «Всегда готов», где уже печатался. Мы подружились и бегали на работу в свою «Дзержинку» вместе, и снег скрипел под нашими каблуками, и бесчисленные гудки ускоряли шаг, и

утренний морозец подбадривал и снимал остатки сна, застрявшего в уголках глаз.

Моего друга звали Гриша Рябинин. Он меня приглашал к себе домой, где у него в сарае была своя библиотека. А у меня в тумбочке лежала только книга сочинений Некрасова, подаренная мне на выпускном собрании в сельской Бибиревской школе. Это было мое единственное сокровище.

Мы шли вприпрыску на свою фабрику и по обыкновению читали друг другу стихи. В тот раз была моя очередь, и я начал:

Будильник-друг, не измени,
В четыре к смене зазвени.
Не жди, когда споет гудок,—
Буди, кричи в рабочий срок.

— А ты знаешь, чьи это стихи? — спросил мой друг. Я ничего не ответил.

— Брось притворяться. Ты же знаешь, что это стихи нашего Благова,— он так и сказал «нашего», — ты сам пишешь стихи, и вообще завтра после уроков я познакомлю тебя с Благовым. Он хоть и не Маяковский, но все-таки свой, ивановский поэт.

И вот мы входим в комнату местного отделения РАППа. Впереди Гриша, а я за ним, стесняясь своего драного полушубка и залатанных брюк. Навстречу нам из-за стола поднимается худой человек небольшого роста. Валенки, пиджак, синяя ластиковая косоворотка с поясом, чуть свисающие по складкам доброго рта усы, очки в железной оправе, сползшие на самый кончик носа, поверх очков ясные улыбающиеся глаза, светлые, как мартовский день за окнами, удивленно вскинутые брови и над морщинами высокого лба чуть волнистые русо-каштановые волосы.

Вот так я с ним и познакомился, и, наверное, внимательность и отзывчивость, свойственная рабочему человеку, знающему цену жизни, сквозившая в его словах и облике, начисто сняли неловкость и стеснительность.

Вскоре я достал только что вышедший в московском издательстве «Федерация» большой сборник стихотворений Александра Николаевича. Назывался он «Ступени», и редактором его был Эдуард Багрицкий, поэму которого «Дума про Опанаса» я знал наизусть. Этот сборник стал моим другом, потому что духовный мир его стихов

был миром окружавших меня людей, и строчки из поэмы «Десять писем»:

Хочу я просто как рабочий
С рабочим другом говорить... —

воспринимались мною, моей душой не как желание автора, а как уже существующая доверительность живого, отзывчивого, обаятельного человека, сумевшего сочувствием и судьбой своей, своим терпеливым мужеством не то чтобы покорить мою душу, а придать ей опыт своей уверенности в жизни.

Александр Николаевич Благов был моим земляком по существу своего характера, по сути своей судьбы. Он родился в 1883 году в селе Сорохте самого бедного во всей Костромской губернии Нерехтского уезда в семье безземельного крестьянина. Он учился в Писцовском двухклассном училище, потом батрачил у кулака, потом, как и большинство людей нашего текстильного края, пошел на фабрику. Он был ткачом, отбельщиком, машинистом, он знал не понаслышке, а по собственному опыту, что такое двенадцатичасовой рабочий день и что значит волчий билет

безработного, уволенного с фабрики за распространение газеты «Правда». Так он проходил первые уроки марксизма, разбирался в том, «в каком идти, в каком сражаться стане».

Он был рабочим, пролетарием.

Он знал и любил поэзию по святой необходимости своего таланта.

Когда я с ним познакомился, он был уже признанным певцом поднятого и обновленного революцией текстильного края. Он сам был и свидетелем и участником этого преображения.

Мне — полсотни.
Что ж? Полсотни —
Еще годы не такие,
Чтобы только из каморки
Наблюдать за ходом жизни.

И он не был только наблюдателем. Он был строителем жизни всегда и во всем.

А в Иванове тогда было много писателей. Был еще жив старый гравер, первый председатель первого в России Совета рабочих депутатов Авенир Евстигнеевич Ноздрин, книгу стихотворений которого «Старый парус» я тоже отыскал. На литературные вечера, куда мы пробирались послушать Виктора Полторацкого, приходил стеснительный, сутулый человек, глухо покашливающий в кулак, глядящий на собеседника из-под нависших бровей детским печальным взглядом. Он читал стихи тихо, почти шепотом, и они были нежные и трогательные, как он сам. Звали его Дмитрий Николаевич Семеновский. Я встретился и с Михаилом Дмитриевичем Шошиным и Дмитрием Георгиевичем Прокофьевым. Все они были прекрасные люди, внимательные и строгие к нашим опытам, но Александр Николаевич был для нас самым близким. Наверное, его человеческая доверительность и громадный жизненный опыт, знание людей и жизни делали его таким доступным, а доступность сама по себе вызывала ответную волну высокого уважения.

А. Н. Благов прекрасно знал и русскую литературу и западную, и поэзия жила в его памяти, как в собственном дому, и он нас всегда удивлял, извлекая из своей копилки неожиданных для нас в те времена Бернса и Рембо, Верхарна и Шекспира, Мицкевича и Шелли, Петефи и Саади. Он не кичился своей начитанностью, а просто делился ею по щедрости своей души и радовался

тому, что мы, схватывая это на лету, шли дальше и знакомились с этим богатством полней и шире уже самостоятельно в читальном зале центральной библиотеки.

Он мог со стихов Багрицкого перейти к Тютчеву и трезвость суждений Баратынского подкрепить горькой беспощадностью Тараса Шевченко.

Ему удавалось, читая «Во весь голос» Маяковского, как-то незаметно переключиться на «Персидские мотивы» Есенина. Он воссоздавал многообразный мир поэзии и жил в нем радостно и светло. И нас он тоже заражал этой радостью творчества, и мы были благодарны ему за это и естественно тянулись к нему и любили его со всей своей признательностью юности.

Он был беспощаден к пошлости. Он ценил знание и точность глазомером и опытом рабочей совести.

Вдали отрадно и светло —
Не быть былому бездорожью.
И я, годам моим назло,
Шагаю вместе с молодежью.

Страна поэзии была для него вечной страной молодости, и он был верным подданным этой

необыкновенной страны — всей своей жизнью, всей своей доброй душой.

Стихи его прозрачны и чисты. Они под стать той почве, тому миру, в котором они выросли. В них нет броскости, но в них есть глубина. В них мало игры, но есть необходимость. В них отсутствует вычурность рифмы, но есть святая интонация естественности.

Благов был верен своему Ивановскому краю, душе его прекрасного, скромного народа, и пытливость и сообразительность своего характера и характера своей поэзии он нашел здесь, под этим небом, в этом звучном округлом говоре ткачих и прядильщиц, подмастерьев и раклистов, граверов и слесарей, в их судьбах — его судьба, его верность и исполнение своего долга и назначения.

Опыт прекрасного порыва творческой души всегда современен.

И мне кажется, что тот высокий нравственный настрой, с которым написаны «Десять писем» или «Детство» и те стихи, что так заботливо отобраны в этом сборнике, будут еще долго служить благородному делу формирования человеческой души, ее любви к этому прекрасному миру.

А. Н. Благов не изменил своему рабочему Ивановскому краю до самого последнего дня, он умер на этой земле, не дожив трех лет до своего восьмидесятилетия. Он сам сказал о своей судьбе просто и вразумительно: «Я жизнью праздною не жил». И это так. И склоняя голову перед памятью своего товарища Авенира Евстигнеевича Ноздрина, на склоне своей жизни он написал:

Он мой товарищ и ровесник,
Мы с ним встречали Пятый год.
Мы всей душой любили песни,
Что звали в бой, вели вперед,
Наперекор жестокой власти,
И не смолкали на пути...
В те дни мы с ним имели счастье
Под красным знаменем идти.

Вот такое было у него счастье в жизни. А я счастлив тем, что он был и остался в моей жизни и уйдет к новой молодости своей песней, потому что она несет свой свет и свою грань в неисчислимой мозаике вечно меняющегося калейдоскопа Поэзии.

Михаил Дудин

СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ

Гудит без устали привод,
А день так медленно идет,
Как будто нет ему конца.
Ручьями пот бежит с лица.
Куда ни глянешь, все одно —
Станки, ремни, да полотно,
Да лица бледные ткачей —
Мужчин, и женщин, и детей.
Богач рабочих не щадит,
Как на рабов на них глядит.
Он совесть бросил — вся она
Тупой наживе отдана.

1910

СТОН ТКАЧИХИ

Посвящаю моей сестре,
ткачихе М. Н.

Жарко. Голову всю разломило...
Ах, давно бы окно я открыла,
Чтобы ветром хоть чуть освежиться,
Да боюсь — будет мастер браниться.
Не велит он окно открывать —
Будет ветер основу трепать.

А уж день-то как нынче прекрасен!
Свод небесный безоблачен, ясен,
Солнце блещет, раздолье повсюду...
Убежать бы скорее отсюда
В поле, к речке, в долину, в лесок,
Да нельзя мне оставить станок.

Вон за речкою дети толпою
Собрались поиграть меж собою.
Вспоминаю, и я ведь, бывало,
За игрой обо всем забывала,
А теперь я работница, мать:
Надо ткать мне, без отдыха ткать.

Жарко, душно, работать нет силы.
Хоть бы время скорей проходило!
Дома дети одни без призора...
Но гудят равнодушно моторы,
И проклятое время вперед
Все по-прежнему тихо идет.

1910

БЕЗРАБОТНЫЙ

Зимой — в мороз и снегопады —
С утра по городу брожу
И на фабричные громады
С глубокой завистью гляжу.

Не жалко сил, не жалко пота,
Лишь за станки скорей бы встать,
Чтобы мучительной работой
Тоску голодную унять.

Но от владельцев их богатых
Один мне слышится ответ —
Холодный, режущий, проклятый:
Работы нет... Работы нет...

И крепко заперты ворота.
Погаснет день в холодной мгле.
А завтра вновь ищи работы,
Живи, как лишний на земле.

1910

ДУМА

В разгаре машинного шума,
Под мерные взмахи ремней
Нередко отрадная дума
В душе возникает моей.

И греет и ласково светит
Надеждой, что время придет —
И жизнью счастливой на свете
Рабочий народ заживет.

Поймет он, откинув тревоги
Покорной, позорной судьбы,
Что нету вернее дороги,
Чем эта дорога борьбы.

И встанет он дружной семьею,
Народ мой, велик и богат, —
И солнце тогда над страною
Заблещет ясней во сто крат.

1914

ВЕСНОЙ

Играет солнце над землею
В прозрачной неба глубине.
Как оживилось все с весною
В моей родимой стороне!
Как нарядилось это поле,
Широкий луг и темный лес,
Как птицам весело на воле —
Поют, взлетая до небес!
Любуюсь я родной природой,
Полна восторга грудь моя,
Уже готов забыть невзгоды
И петь про радость бытия.
Но вспомню палачей народа,
Тупых властителей земли,

Кем в тюрьмы брошена свобода,
Кто топчет истину в пыли,
Кто отнимает злобной властью
На жизнь все право у людей,
Кто честный труд, живое счастье
Стесняет тяжестью цепей, —
Лишь вспомню их, и омрачится
Весенний день в моих глазах,
И в сердце злоба загорится,
И песня гаснет на устах.

1915

ХОЗЯИН

Был когда-то задушевным другом,
А теперь не знает, не зовет...
Новый домик над широким лугом,
И собака лает у ворот.
Ни души, ни света в переулке,
Только ночь да снежная парча,
Только ветер, мой товарищ гулкий,
Налетит, обнимет невзначай.
Не дал день ни хлеба, ни работы
И поник в тумане, темен, глух...
Постучал бы к другу я в ворота,
Да не встретит по-былому друг.
Нет, уж лучше пусть я, как бродяга,
Эту ночь без крова проведу,

Исхожу слободку тихим шагом
У печальных дум на поводу.
Спи, хозяин. Твой покой надежен.
Спи, довольный домом и женой.
Ты от друга крепко отгорожен
Этой новой собственной стеной.

1916

МОЙ КРАЙ

Цветут весенние долины,
В зеленый шелк оделся май.
Как хороши твои картины
Среди лесов, фабричный край!

Поля, деревни по курганам,
Луга вблизи, леса вдали,
Где бледно-розовым туманом
На рощи небеса легли.

Бежит дорога на пригорок,
Чернеют пашни в стороне,
Издалека знакомый город
Уже спешит навстречу мне.

Берез кудрявая ограда,
Реки спокойной полоса,
И вот они почти что рядом,
Знакомых фабрик корпуса.

Любимый край мой, край раздольный!
Идешь, идешь под синевой...
В лицо целует ветер вольный,
И щебет птиц над головой.

1924

ПЕСНЯ ТКАЧА

Будильник-друг, не измени,
В четыре к смене зазвени.
Не жди, когда споет гудок, —
Буди, кричи в рабочий срок.

Мне не забыть — случился грех:
К станкам пришел я после всех,
В душе обида, точно лед,
А стыд лицо пожаром жжет.

Друзьям в глаза я не взглянул,
Я весь ушел в железный гул,
Хотелось вдвое быть ловчей,
Чтобы догнать других ткачей.

Я отдохнуть не смел, не мог,
Мгновенье каждое берег,
Всю смену видел лишь одно —
Белее снега полотно...

Будильник-друг, не измени,
Как раз в четыре зазвени,
Чтоб не жила в груди тоска,
Чтоб радость пела у станка.

1925

ДЕНЬ ОТДЫХА

Какие тут стихи сегодня!
Бросаю все свои дела,
Ведь не сосед какой, не сродник, —
Весна на праздник позвала.

И в корпусах сегодня тихо,
Гудкам призывным не звучать.
Принарядись, моя ткачиха,
Погодке ласковой под стать.

Взгляни на город: весь он вышел
Встречать весеннее тепло,
В огне лучей сверкают крыши,
Сверкают камень и стекло.

Зовет и манит сад рабочий,
Наш молодой кудрявый сад,
Где трубы медные до ночи
Родными песнями гремят.

1926

НА ФАБРИКЕ

День рабочий вошел в корпуса,
Он расправил широкие плечи:
Засверкали ремней пояса,
Загремели железные речи.

Белоснежные ткани бегут,
Словно лебеди крыльями машут,
А кругом, как цветы на лугу,
Молодые работницы наши.

Тихим ветром овеян станок,
Вьются кудри в пунцовом уборе...
Не затем ли и красный платок,
Что на сердце — весенние зори?

1926

* * *

Вдали отрадно и светло —
Не быть былому бездорожью,
И я, годам моим назло,
Шагаю вместе с молодежью.
Я не был юностью согрет,
Но не вернется жизни холод.
Сегодня в сорок с лишним лет
Я первой молодостью молод.

1926

ПОД ГИТАРУ

Пролегла в мое окошко
С неба светлая дорожка.
Заалел в каморке тесной
Луч весны чудесной.

Пой, играй, моя гитара,
Пусть там скажут: «Вот-де старый
Разгулялся, смерть почуя...»
Слушать не хочу я!

В дни, когда весна у двери,
Я годам моим не верю:
За плечами — жизни осень,
В сердце — двадцать весен.

Пролегла в мое окошко
Светлой радости дорожка.
Пойте в лад с природой юной,
Говоруньи струны!

Пойте вместе с жизнью нашей,
Что весны цветущей краше,—
С жизнью вольной и богатой,
Нами с боем взятой.

1927

ЖЕНЕ

Сколько лет ведут машины
Речи шумные с тобой!
На лице твоем морщины
Не с того ли, друг ты мой?

Да и мне поют моторы:
«Где весны твоей огни?»
Стариком, пожалуй, скоро
Назовут меня они.

Что ж за горе? Знаем сами —
Юность где-то далеко.
А с работой да с годами
И железу нелегко.

Но, последний день встречая,
Скажем, друг, с любовью мы,
Что и нам, как утро мая,
Улыбнулся новый мир.

1927

* * *

Разгони случайную кручину,
Огневой разливчатый баян.
Ветер клонит красную рябину,
Над рекой нахмурился туман.
Осень, холод... Что за дело?.. Пусть их,
Не завянет сердце под дождем!
В прожитое взглянем мы без грусти,
В нежитое весело пойдем.
Запевай, не все еще пропето!..
Не стареть, не глохнуть, не тужить.
Молодую родину Советов
Только недруг может не любить.

1928

СЛОВО СОСЕДА

Расходились десять раз, не меньше,
Ссорились, как лютые враги...
Есть у нас еще немало женщин,
Верных слуг горшка и кочерги.

Ты толкуешь: мы теперь окрепли,
Наша стройка удивляет свет.
А жена рассыплет сотню реплик
На твою политику в ответ.

— Разве дело, разве дело это —
Мне с тобой мытариться всю жизнь!..
Старый хрыч, безбожник ты отпетый,
Да на что мне твой «социялизм»?..

Чтобы вырвать ржавые коренья,
Я полжизни, кажется б, отдал...
Зачастую этакие пренья
Выливались в форменный скандал.

Напоследок бросишь «черта в стуле»,
Проклянешь дурацкую брехню
И пойдешь, под холодом сутулясь,
К другу своему передохнуть.

Ты не смейся...
Это битва тоже,
Трудная, жестокая борьба.
Будь бы я, к примеру, помоложе,
Не сдержала б и своя изба.

Шесть десятков за плечами виснет,
Злая хворь лупцует, точно плеть.
Но и с этим на дорогу жизни
Не могу по-старому смотреть!..

1928

РОВНЯ

Две жизни мы связали вместе,
А жизнь на родине — весна.
И мне и ей, моей невесте,
Судьба грядущая ясна.

На целый век открыты взгляду
Пути свободного труда.
Нам с нею ссориться не надо,
Ведь наша дружба — навсегда.

Мы с нею ровня, да такая,
Что я сказать об этом рад:
Она — ткачиха родовая,
И мне станок — любимый брат.

1928

РАДИО В ПОСЕЛКЕ

Наше время светит по-иному,
Подружились с нами города.
Посмотри —
Бегут от дома к дому,
Рассекая ветер,
Провода.

Скучны были на поселке зимы,
Молчалив осенний полусвет,
Дни, как тучи, пролетели мимо:
Улетят —
И в памяти их нет.

А теперь встречаем вечер темный,
Словно гостя: проходи вперед!
Говорливый радиоприемник
В каждом доме разговор ведет.

На березах белые повязки,
Белые пригорки у двора.
Только нынче даже про салазки
Забывает часто детвора.

И напрасно в слободе соседней
Ждет пивная развеселых дней:
Скоро, скоро песнею последней
Прошумит метелица над ней.

Полюбили старики и дети
Слушать вести радиоволны.
Что творится на широком свете,
Все сегодня знать они должны.

И мила им песня молодая —
Верный друг досуга и труда:
Прозвучит сердечная, простая
И к душе привьется на года.

1930

ВОПРОС

Мой несчастный, бедный обыватель,
Как тебе, дружок, не горевать?
Полиняла краска на кровати —
Где возьмешь ты новую кровать?

У тебя муки не хватит на год,
Не жирна баранина во щах...
Ах, бедняжка, столько разных тягот
На твоих покоится плечах!..

Все тебе бы обвинять кого-то,
Усмехаться и махать рукой:
У людей, мол, легкая работа,
Крупная зарплата и покой.

Ты ворчишь: мол, строим жизнь иную,
А она, известно, не для нас...
Эй, извозчик, подвези в пивную —
Пить так пить, никто нам не указ!

Что нам книга?
Мы своим манером —
По примеру деда и отца...
Чтобы сын мой вышел пионером?!
Лучше в воду сунуть сорванца!

По цехам затеяли порядки:
Как свое, чужое береги,
Заболят от праздника лопатки —
Отдохнуть минуты не моги...

Друг ты ситный,
На меня не сетуй
И других обидой не тревожь.
Ты ответь —
С политикой вот с этой
До какого рубежа дойдешь?!

1932

МОИ ДРУЗЬЯ

По вечерам пишу часами,
А утром — только со двора —
Серебряными голосами
Меня осыплет детвора.

К себе зовет... И в мире этом,
Здоровом, радостном, живом,
Хотелось быть мне не поэтом,
А самым резвым малышом.

Гляжу задумчиво, несмело
Туда, в далекое житье.
Как одиноко шелестело
Ты, детство бедное мое!

Какой лежал на сердце камень,
Тоски, обиды жгучий ком,
Когда с котомкой за плечами
Ходил я в села за куском!

Оно прошло, худое время,
Давно цветет другая жизнь,
И уж растет такое племя,
Что первым встретит коммунизм.

1934

ВЕЧЕРА

Их позабыть никак нельзя.
Настанет час, и, смотришь, снова
Они приходят, как друзья,
Чтоб о себе промолвить слово.
Поставят длинный ряд картин,
Любуйся ими, сколько хочешь.

...В каморке тесной я один
Сижу до поздней-поздней ночи.
В чаду коптилки чуть видна
Страница. Стих плетется вяло.
В углу с ребенком спит жена,
К стене примерзло одеяло.
Народ — вповалку на полу,

Заботы дня пока заснули,
Но чуть гудок прорежет мглу —
И зашумит квартирный улей.
День скроет бледный образ свой,
И снова сон. Сегодня то же,
Что и вчера... Не так ли схожи
Две капли влаги дождевой?
Получка. Здравствуй, мать-получка,
Краса копеечных квартир!
Бросай тетрадку, самоучка,
Объединен подвальный мир!
Слова — потоки, песни — ветер...
Погибни, царский четвертак!
За всю культуру здесь в ответе
Бутылка водки и трепак.
Пожалуй, хватит на сегодня,
Прощайте, гости-старики...
Стоит прекрасная погода,
И весел взлет моей строки.
За переплетом плотных окон
Холодный месяц бледнолиц.
А на поля моих страниц
Струится лампа белым током.
Тепло. Светло. И мысль моя

Бывалой горечи не знает:
Светла, как жизнь, что обнимает
Родные, милые края.

1935

СОСЕДКА

Мы с тобой покуда незнакомы
И встречались только у станков.
Ты живешь в красивом новом доме,
Что немного ниже облаков.

Рядом с этим домом — врассыпную
Низкорослых домиков семья.
На сады, на рощу голубую
Засмотрелась комната твоя.

О тебе мечтаю я нередко,
Проходя по улице родной:
Не следит ли милая соседка
Из окна высокого за мной?..

Может, словом теплого привета
Мой листок недаром шелестит:
Может быть, случайно песня эта
У тебя, соседка, погостит.

1935

ТОТ ДЕНЬ КРОВАВЫЙ...

От счастья, от высокой славы,
От громкой радости побед
Взгляни в туман минувших лет —
И встанет он, тот день кровавый,
Которому забвенья нет;
И встанет тенью город грязный:
От пыли серые дома,
Собор угрюмый, мост Приказный
И рядом мрачная тюрьма.
Сегодня здесь бегут трамваи,
Веселый слышен разговор,
Широк асфальтовый простор,
Автомашин гудящих стаи
По глади улиц то и знай
Проносятся из края в край.
Многоэтажные громады
Глядят на майские наряды

Садов и скверов. Больше нет
Тюрьмы, и нет уже собора, —
Пришел на смену новый город,
Постылой жизни стерся след.

* * *

Но день кровавый не забудем мы —
День августа
Пятнадцатого года.

К управе городской
Идет толпа народа,
Идет к воротам
Крепости-тюрьмы.
«Не ждем щедрот мы от пустого неба
Что — царь земной?
Не верим мы ему.
Долой войну!
Голодным — хлеба! Хлеба!
Свободу братьям, брошенным
в тюрьму!»

А в переулках — сабли, пули, плети
Наготове.
Жандармский крепок пост...

Идут, идут через Приказный мост
С отцами рядом матери и дети...
Перед тюрьмою — частокол штыков.
Стоят солдаты серою стеною,
Но гул ткачей бесстрашен и суров:
«Свободу братьям!»

Вдруг перед толпою
Ударил залп, за ним другой, как гром,
А там еще —
Без промаха по цели.
И падали сраженные свинцом,
Чтоб не подняться с каменной постели.

Прошли года.
Мы встали в полный рост.
Как майский сад, цветет наш город милый,
В душе ткачей
Живет Приказный мост,
И время бережет великие могилы.

1937

ПОЭТ-СТАРИК

Проходит жизнь...
Читает взгляд
Ее судьбу, ее итоги.
Вдали на пройденной дороге
Лишь вехи черные стоят.
В глухое время в путь я вышел,
На ощупь шел,
В потемках жил.
Свободных песен не сложил
И от друзей моих не слышал.
И вот теперь, на склоне лет,
Я вижу жизнь,
Я вижу счастье,
Как после долгих дней ненастья

Горячий солнечный привет.
В его лучах душа поэта
Весенним садом расцвела.
И мне милее старость эта,
Чем раньше молодость была!

1938

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Снова город фабричный
Шумит, как прибой
О гранитную грудь берегов.
Батальоны ткачей
Собираются в бой
На проклятую свору врагов.

Ощетинясь штыками,
Проходят бойцы,
С ними песня — подруга побед.
Наряду с молодыми
Шагают отцы —
Ветераны прославленных лет.

Их дела не забыты,
Их слава живет
На просторах Советской страны,
Их растил величавый
Семнадцатый год
В жарких битвах гражданской войны.

Их в походы водил
Сам Чапаев-герой.
С ними Фрунзе громил Колчака,
И сейчас перед черной
Фашистской ордой
Не изменит винтовке рука.

Рвется к нашей Москве
Оголтелый палач...
Не сломить ему силы стальной!
Встанет вместе со всеми
Ивановский ткач
На защиту столицы родной.

Добрый путь вам, ивановцы!
Бейте врага!
Отомстите за жен и детей,

За колхозные села,
За наши луга,
За красу городов и полей!

Отомстите за все,
Что злодей загубил,
Сторожите на каждом шагу,
Чтобы, кроме земли
Для презренных могил,
Ничего не досталось врагу!

1941

ПОЭТУ-БОЙЦУ

Мих. Дудину

Мой друг, о тебе вспоминаю, любя:
Простым и веселым я знаю тебя.
Минувшее наше, товарищ-поэт,
Храню я на сердце, как первый привет.
В тревогу военную, в грозные дни
С собою унес ты желанья одни:
Свободной отчизне служить до конца
И словом поэта, и пулей бойца.
Бессонное море гудит в берега,
И бешено воют снаряды врага,
Но зорко глядят за родную черту
Защитники Ханко на славном посту;
Их доблесть не склонится перед бедой,

Ты ими гордишься, мой друг молодой,
Ты с ними, товарищ, становишься в ряд,
Стихи боевые о них говорят.
И прошлому память поэта верна,
К тебе издалека приносит она
Знакомые лица, покой вечеров,
Такое родное звучанье стихов;
Ты помнишь тепло задушевных речей,
Тебе вспоминается город ткачей,
И домик приветливый возле реки,
И в час расставанья пожатье руки.
Мы крепкую дружбу везде сбережем:
В работе упорной, в огне боевом.
За дружбу идут миллионы людей,
Ее и железом не сломит злодей.
Пусть море бушует и буря ревет,
Мы знаем одну лишь дорогу — вперед:
Кровавой обиды врагу не простим,
За все мы отплатим, за все отомстим!

1941

ПРЯЖА

В могучих пылающих горнах
Куется оружье страны.
Мне тонкая пряжа покорна,
Машины в работе верны.

Следила я зорко за ними,
Следила и ночью и днем;
Заветное, близкое имя
Хранила я в сердце своем.

Короткие письма читала,
Мечтала — увидимся вновь,
В добротную пряжу вплетала
Мою молодую любовь.

Беда не прошла стороною —
Пришла и осталась в груди.
Вся горькая правда со мною:
Ни писем, ни друга не жди.

Согнусь ли от страшной разлуки,
От этих неласковых дней?..
Работайте, крепкие руки,
Работайте вдвое быстрей!

О нем, о родном вспоминаю:
Он пал за свободу и честь,
В добротную пряжу вплетаю
Свою справедливую месть.

1943

С ПОБЕДОЙ, ДРУГ!

Как будто солнце светит по-иному,
Как будто вдвое ласковей оно...
Я прохожу по городу родному,
Мне шлет улыбку каждое окно.

«С победой, друг!» — на лицах я читаю,
В один порыв сливаются сердца,
Людским восторгам нет сегодня краю,
Людскому счастью не видать конца.

Оно живет в торжественном привете,
В простом пожатье дружеской руки,
Его несут в своем веселье дети,
В помолодевшем взгляде — старики.

Дыханьем мая с теплыми ветрами
Оно летит по всей родной стране,
Его я славлю лучшими словами,
Что отыскал в душевной глубине.

1945

* * *

Как могу я сказать: это радость чужая.
Нет, она мне близка, эта радость — моя!
Воротился боец из далекого края,
Долгожданного гостя встречает семья.

Будет жизнь, будет труд, как и прежде,
в расцвете,
Будет путь впереди неоглядно широк...
Под окошком играют счастливые дети,
И над крышей кудрявится мирный дымок.

1945

ВСТРЕЧА

Владимиру Жукову

Много стран чужих измерил
Ты походкой боевой.
Я и верил и не верил,
Что увидимся с тобой.

На три года разошлись мы.
Дней военных путь не скор.
Вместо встречи — только письма,
Только строчек разговор.

Шли полки железной лавой
В гром свинцовых непогод.
Послужил тебе на славу
Твой товарищ пулемет.

За степями Украины
Вместе с ним пробился ты
На днестровские долины,
На карпатские хребты.

Грозно пели над тобою
Вихри дыма и огня.
Но стихи твои порою
Долетали до меня.

В них звучали мне желанья,
Думы честного бойца:
И надежда на свиданье,
И отвага до конца.

Сердце вынесло разлуку.
От врага остался прах...
Снова жму твою я руку,
Огрубелую в боях.

Нам грядущее понятно,
Наша даль светла, ясна.
За широкой песней ратной
Нынче новая слышна.

В полный рост поднимет песня
Славу мирного труда.
Расцветут еще чудесней
Наши села, города!

1945

* * *

Мне не успеть, друзья мои, за вами —
Слабеют силы старого ткача.
Немало их в былые годы отнял
Хозяин жадный хваткою рукой.
Я жизнью праздной не жил. Но не помню,
Кто б оценил тогда мою работу
Хотя бы раз, хотя бы так, случайно...
Мне не забыть мучительной страды:
Станки, казалось, не стучат, а стонут,
Ползут с навоя робкие основы;
Спеши и рвись, а от нужды спасенья
Себе не жди, надежды позабудь.
Как бесконечно долог день рабочий!..
Станок замолкнет, всю растратив силу,

А пьяный мастер, не жалея брани,
Во всем ткача бессовестно винит.
Тащились дни. В душе копилась злоба.
Она росла, горела, разгоралась,
Готовая неудержимо хлынуть,
Чтоб всю неправду разом затопить!

. . . .

Какое счастье в наши дни трудиться,
Когда страна твои заслуги видит,
И за успехи говорит спасибо,
И делом чести называет труд!
Желаю вам, друзья мои, победы!
Мне любо вашей славою гордиться,
О ней слагать восторженные песни
И с вами рядом сердцем молодеть!

1947

* * *

За окном моим ребята
На прогулку собрались.
Наша улица поката:
Сел на санки — и катись.

Зашумели спозаранку
На горе и под горой:
Кто на лыжах, кто на санках
Под уклон летит стрелой.

Любо детям на просторе!
Лица полымем горят.
Санки — набок... Что за горе?
Больше смеха у ребят!

Засмотрелся я на Мишу:
Как он ловок, как он смел!
Обогнать его на лыжах
И большой бы не сумел.

Хорошо!.. Растите, дети,
Закаляйтесь, молодцы!
Путь широкий вам на свете
Приготовили отцы!

1948

ИВАНОВСКИЙ СИТЕЦ

В далеком поле хлопок созревал,
Под небом юга цвел белоголовый,
В руках у нас он тонкой пряжей стал,
Засеребрился свежею основой.

Легка, быстра ткачиха у станка,
В работе навык у нее хороший.
Струится ткань, добротна и крепка,
Чиста, бела, как первая пороша.

В печатный цех пойдет она потом,
На ней узоры красочные лягут:
Колосья нив в сиянье золотом,
Цветы лугов и гроздья спелых ягод.

Такому ситцу кто не будет рад,
Кто на красу его не заглядится!
Чудесный выйдет каждому наряд
Из нашего ивановского ситца!

1948

ПЕСНЯ СТАРОГО ТКАЧА

Помню я, ребята,
Год великий Пятый:
Встали мы грозою на господ.
Время это славное,
Время это давнее
В памяти народа не умрет.

Кончена работа.
Вышли за ворота
Тысячи ивановских ткачей.
Их шаги громовые,
Голоса суровые
Потрясли хоромы богачей.

Не забуду Талку,
Где волною жаркой
Речи большевистские лились,

Где за жизнь народную,
Светлую, свободную,
До конца бороться мы клялись.

Годы миновали,
Все свое мы взяли:
Наша вся советская земля —
Дали безграничные,
Корпуса фабричные,
Щедрые колхозные поля.

Весел он и молод,
Наш рабочий город,
Этажами в небо вознесен.
Слушай, Талка быстрая,
Песни голосистые —
Музыку станков и веретен.

Весел он и молод,
Наш текстильный город,
Фабрики шумят из края в край,
Фабрики-красавицы,
Что повсюду славятся
Тканями цветистыми, как май.

1938—1950

СЕСТРЫ

Заполнила домик вечерняя тишь.
Ты с верной иглой за работой сидишь,
Ивановский ситец шуршит под руками.
Ко мне этот вечер пришел со стихами.

Я крепко уверен в успехе твоем,
Но счастья, удачи хочу я вдвоем:
Пусть будут, как сестры, красивые строчки:
Мои — на бумаге, твои — на сорочке.

1950

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕНЬ!

Теплой лаской горят небеса.
Распустились черемух краса.
Белоснежные вишен шатры
Разметались по склону горы,
Отразились своей белизной
В тихом зеркале глади речной.

По душе мне слободка моя,
Мы давнишние с нею друзья:
За рекой разливались гудки,
На заре я ходил за станки,
Здесь я лучшие годы прожил,
Здесь я первые песни сложил.

Город ситца — любимый сосед.
Мне отраден твой шумный привет:
Что ни день, меня в гости зовет
Новостроек твоих хоровод.
Этажи на былых пустырях
На моих вырастают глазах.

Всей душою сегодня я рад
За меланжевый наш комбинат:
Миллионы свободных людей
Одевает он тканью своей.
Я гордиться им буду всегда —
Запевалой на фронте труда.

Здравствуй, день! Занимайся, заря,
Расстелись полосой янтаря
Над полями, над рощей густой!
Посмотри, как могучей семьей
За станки, за машины встает
В трудовой перекличке народ.

1950

* * *

Хочет жизни чудесной,
Хочет счастья земля.
Любят мирную песню
Города и поля.

Наши люди готовы
Эту песню беречь —
Сердцу близкое слово,
Вдохновенную речь.

Слишком памятны годы,
Чтоб не думать о них.
Гул стальной непогоды
Не вчера ли затих?

Тучи горя носились
Над родимой страной,
Мы победы добились
Не дешевой ценой...

Мы в труде не устанем,
Наша правда крепка —
Мир народам и странам
Навсегда, на века!

1951

* * *

Красота родная, русская,
Как ты сердцу дорога!
Вот иду тропинкой узкою
Через рощи и луга.

Здравствуй, речка говорливая
Под зеленой крутизной!
Не про наши ль дни счастливые
Ты поешь своей волной?

Птичий гам да тень кленовая,
Тишина в лесном краю...
Что ни день, то силы новые
В грудь вливаются мою.

Славно будет после отдыха
Снова взяться за дела...
Подмосковная черемуха,
До чего же ты бела!

1951

* * *

В который раз меня зовет
Та слобода заречная,
Где в низком домике живет
Моя любовь сердечная.

Пускай ответа не найду
Я на мечту заветную,
Хоть мимо домика пройду
Тропинкой чуть заметною.

1952

* * *

По роще птицы зазвенели,
Зарею утро расцвело,
Пастух, играя на свирели,
Выводит стадо за село.

Вся ширь лугов ему знакома
И в перелесках дальний путь.
Как хорошо у водоема
В палящий полдень отдохнуть!

Когда с вечернею прохладой
Над речкой шепчется ольха,
В один кружок сберется стадо,
Заслыша голос пастуха.

Приляжет пыль на грудь дороги,
В закате розовом заснет,
Своих любимиц круторогих
Доярки встретят у ворот.

Все ближе тишина ночная,
И только слышно за стеной,
Как молока струя густая
В подойник льется жестяной.

1952

НАЧАЛО МАРТА

Снега широкой пеленой
Еще лежат, белы и пышны.
Гудки за рамою двойной
Едва-едва бывают слышны.
Еще нередко у дворов
Метель февральская хлопочет,
Но путь до первых ручейков,
До первой травки все короче.
Грачи поднимут шум и гам,
Встречая рано день веселый.
А там по солнечным лугам
Пройдет река водою полой.
И загремит весенний труд
Над бесконечной ширью пашен,
И песни новые споют
Поэты, песенники наши.

1955

СЧАСТЬЕ

Не плохая, скажу я, дорога
Мне надолго досталась в удел.
Пусть не знал я родного порога
И добром никаким не владел.

Не гордился я собственной крышей,
В жизни был незаметен и мал,
Но душой своей музыку слышал,
Перекличку стихов понимал.

В годы горя, неволи суровой
Не рабом молчаливым я жил —
Добрым чувством да песенным словом,
Как умел, я Отчизне служил.

Мысли-думы любимые эти
Не растратил я в долгом пути,
И не знаю: какое на свете
Счастье лучшее можно найти!

1955

ПОЭМЫ

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ

Другу, рабочему А. Д. Вицыну

Письмо первое

Сегодня модными стихами
Поэты многие форсят,
Простыми говорить словами
Они упорно не хотят.
У мастеров таких тепличных
Я, правду молвить, не учусь
И в формалисты не гожусь.
Куда уж мне из стен фабричных
Летать за ними на Парнас
На поиски кудрявых фраз!
Мне не до этих проволочек,

Я рад, когда с десяток строчек
Срифмую дома в тихий час.
Поэту-профессионалу
Глагольных рифм, конечно, мало:
Он с ними в лужу может сесть,
Ведь критик тоже хочет есть.
Мои стихи не для газеты —
Такой газеты не найдешь,—
Мои простецкие куплеты
Лишь ты, товарищ мой, прочтешь.
Они не ждут какой-то платы,
Они глаголами богаты,
Они... ну, что же, пусть они
Формально слабы в наши дни.
Под голубым покровом ночи
Не собирался я творить,—
Хочу я просто как рабочий
С рабочим другом говорить.

* * *

Начну о городе, куда я
Заброшен долей трудовой,
Где дремлет старина седая

И веет ветер полевой.
Наш город мало чем известен,
На карте чуть заметен он,
О нем не складывали песен.
Он даже прозой обойден.
Стоит он, скромный, над полями,
Кругом холмы и тишина.
С его мощеными путями
Ремонт в разладе издавна.
Чтоб не разбить колесных втулок,
Извозчики едва трусят
Или воротят в переулок,
Пугая коз и поросят.
И пыль такую растревожат,
Что пропадает солнца свет,
Что в двух шагах тогда не может
Соседа разглядеть сосед.
Но все же, все же он уездный,
Имеет под боком вокзал,
Здесь мимоходом путь железный
С Москвой Иваново связал.
Наш город скуп водопроводом
И освещеньем небогат,—
В свое жилище тихим ходом

Шагаешь ночью наугад.
Его речушка мелководна,
Для земноводных — чистый рай.
Здесь даже винного завода
Не мог построить Николай.
Базар, сады, домишки, хаты
Да школ начальных штуки три.
Зато церквами мы богаты —
Кресты куда ни посмотри.
Под утро звоном колокольным
Всегда я в праздник пробужден,
И в сердце с чувством недовольным
Я забываю крепкий сон.
Встаю туманный, невеселый
И бормочу примерно так:
«Опять хозяин долгополый
На волю выпустил собак».
Хотел я с местною читальней
Знакомство тесное свести,
Но «инвентарь» ее печальный
Сбивает с толку и с пути.
Когда бы в ветхом каталоге
Ты все листы перелистал,
Ты без волненья, без тревоги

Покинул бы читальный зал.
Мятежный зов тебе дороже,
Ты заявил бы напрямик,
Что ни одна из этих книг
Твоей души не потревожит.
Довольно. Точка. Обрываю
Стихов покорную тесьму.
Насколько в них я успеваю,
Суди по этому письму.
Бегут докучливые стрелки,
И мне пора, пора к станку.
Не забывай о нашей сделке —
Платить строкою за строку.

Письмо второе

Привет тебе, судья и критик,
Мой уважаемый «Сократ» —
Философ тонкий и политик,
Пропагандист и демократ!
Доволен я твоим ответом:
Ты окрестил меня поэтом,
И строчки моего письма
Тебе понравились весьма.

Прекрасно! Значит, продолжаю.
Ты сам желаешь, так изволь —
Пускай бумага вздорожает,
Как вздорожали хлеб и соль.
По разным темам не кочуя,
Не порываясь их обнять,
О нашей фабрике хочу я
Тебе немного рассказать.
Шумливый корпус фабричонки
В стекло извилистой речонки
Глядит, любуясь сам собой;
Высокой каменной трубой
Коптит небесные просторы.
Кругом колючие заборы
И полицейских целый взвод
И во дворе и у ворот.
Слуга хозяйского кармана,
Над кочегаркой утром рано
Орет пронзительный гудок:
Спеши, подросток, за машину,
Старик, сгибай больную спину,
Пока совсем не изнемог.
Ты весь в работу погрузился,
Ты и не думаешь, не ждешь,

Но старший мастер появился —
Тебя облаял ни за грош.
На деле он — профан негодный,
Зато визжит, как пес голодный:
«Вот я тебя, такой-сякой,
Тебе работать лень... Постой,
Ужо я справлюсь с негодяем...»
И, оглушенный этим лаем,
Стоит рабочий сам не свой.
А тут смотрители оравой
Снуют налево и направо:
Они на страже день и ночь,
Они подслушивать не прочь,
Они штрафуют и доносят,
Откинув совесть, взятки просят
И несговорчивых девчат
Глазами грозными сверлят.
Хозяин жив одной наживой,
Все остальное — чепуха.
В грязи купаются цеха,
Машины наши — сброд паршивый,
Решетки в окнах, смрад и тьма...
Гуди, рабочая тюрьма!
Настанет смена — по лачугам

Уходят люди друг за другом,
Чтобы заснуть глубоким сном,
Добыв полтину серебром.
А завтра вновь увидишь то же,
Хозяйским псам не будешь рад —
Те матерщиною обложат,
А те расчетом пригрозят.
«Прощай», — тревожит бой полночный,
И не поднять усталых век.
У нас работой сверхурочной
Измучен каждый человек.
И если б дружба нитью слабой
Случайно связывала нас,
Для этих строчек никогда бы
Не отдал я свободный час.

Письмо третье

Когда ты в город Юрьев-Польский
Ко мне приедешь побывать,
Легко ты можешь отыскать
В соседстве с церковью Никольской
Домишко ветхий, небольшой.
Здесь буду рад я всей душой

Тебя приветствовать. Легко ли,
Ведь уж полгода, даже боле,
Как мы расталися. Пора
Порвать несносную разлуку.
Что письма? С помощью пера
Пожму ли дружескую руку,
Могу ли слышать голос твой,
Могу ль помучить час-другой
Тебя поэмой многострочной?
(Но время двинется вперед,
И мы с тобою — день придет —
Покончим с критикой заочной!)
Стихов так много, а читать
Их вовсе некому без друга.
Матрешу ими угощать
Не раз пытался. Но супруга
Почти не чует звучных строф.
Она плоды моих трудов
Не ценит, кажется, ни крошки:
Я удивить хочу стихом,
Она твердит мне о картошке
Или о чем-нибудь другом.
А тут бы в обстановке мирной
Беседой нежились друзья,

Потом с хозяйкою квартирной
Тебя бы познакомил я.
Смешная, глупая мещанка,
Для сплетни будто рождена,
До поздней ночи спозаранку
Святым молитвам отдана.
Чтобы терзать чужие души,
Особе этой дан язык.
Ты болтовню б ее послушал
И отдохнул бы после книг.
Она нашепчет много-много
Словечек разных обо мне:
И как я плохо верю в бога,
И что сказал я о войне.
Меж тем почтенная супруга
Подаст нам чай или обед:
«Прошу, покушайте, два друга —
Политик жаркий и поэт».
Потом прогулка небольшая
На вал старинный крепостной,
Где юных пар кружится стая
В кустах акации сквозной;
Где ценят больше по наряду,
Встречают скромных свысока;

Где монастырскую ограду
Марает бойкая рука;
Где ты узнаешь поневоле
Все дрязги города и то,
Куда молиться ходит кто —
В соборный храм или к Николе,
Кто ночи темные не спал,
Читая «Кречета Антона»,
Кто больше любит «Пинкертона»,
Кого «Ник Картер» [1] восхищал.
К тому ж из этих просвещенных
Людей, в науки погруженных,
Двоих-троих я назову,
Что жить хотят иным манером
И аплодируют эсерам
Во сне и даже наяву.
Не будем спорить. Пусть глупеют...
Поля проведаем с тобой,
Где ветерок прохладный веет,
Пойдем тропинкою любой.
Что за поля! Не видно края...
Кругом безлесная краса:
Селенья, дымка золотая,

[1] Бульварная литература.

Слились с полями небеса.
Здесь разгуляться ветер волен,
Богата вьюгами зима...
Десятки сел и колоколен
Тебе откроются с холма.
Куда ни глянь — пригорки, склоны
И целый океан хлебов,
В низине — город наш зеленый,
Весною белый от садов.
Мы оглядим собор старинный,
Что не боится непогод;
Веков минувших список длинный
Он перед нами развернет.
И в монастырь заглянем женский
(Зовется, кажется, Успенский),
К обедне сходим. Что за стыд?
В святые храмы путь открыт
Кому угодно, без заказа.
Толпу людей окинем глазом,
Потужим о судьбе черниц —
Красивых молодых девиц,
Которым тесно за стеною
Нарядной божеской тюрьмы.
На языке у них псалмы,

А в голове совсем иное...
Боятся девы не грехов,
Но... где ж набраться женихов?
В одном тебя предупреждаю:
Моей Матреше — ни гу-гу.
Ей-ей, себя я берегу
И ссоры вовсе не желаю.
Проговоришься — не пеняй,
Обоим будет нагоняй.
Мы свой досуг отметим знатно.
Когда ж поедешь в путь обратный,
Тебе я Гейне подарю —
Его глубоко я люблю.
Стихам чудесной «Зимней сказки»
Я в письмах буду подражать.
Мне не в печать их отдавать,
Я не боюсь ничьей указки,
И критик едкою строкой
Не потревожит мой покой.

Письмо четвертое

В часы короткого досуга
Забот немало у меня:
Семья да тесная лачуга

Берут себе остатки дня.
Жена — работница — на смене,
В глазах мелькают челноки,
В цветистый пух ее оденут
За смену долгую станки.
А ты двухлетнего сынишку
Не забывай, готовь обед,
Коли дрова, садись за книжку —
Кухарка, нянька и поэт.
Ты должен поспевать повсюду:
На рынок отнеси гроши,
И вымой начисто посуду,
И другу вестку напиши.
Пишу. Сынишка отбуянил,
Заснул спокойно. Спи себе!
Расти и крепни. Срок настанет
Твоей работе и борьбе.
Друг, извини за отступленья,
Ты обречен на них и впредь,
Не нахожу в себе уменья,
Как говорится, «стройно петь».
Что ж делать с мачехой-судьбою, —
Моя культура так низка!
Не много зим передо мною

Стояла классная доска.
Сидел за школьною скамейкой
Да слово божье изучал,
А добрый батюшка линейкой
Мои ошибки поправлял.
«Ты,— скажет, — что, теленок
пестрый,
Опять не выучил потоп?..»
И все долбит линейкой острой
Затылок мой ученый поп.
Ах, детство! Пусть была печальна,
Была горька пора твоя,
Но о тебе в дороге дальней
С любовью вспоминаю я.
Мне памятны твои стремленья,
И ропот детский сердцу мил.
Зато поповские ученья
Я растерял и позабыл.
Вот предо мной довольно грязный
Кинематограф городской,
По вечерам сюда рекой
Течет наш обыватель праздный.
Проверив за день барыши,
Обвесы, плутни и обманы,

За свежей пищей для души
К экрану прутся торгаши,
Их жены Дарьи да Ульяны
И дочки лет по двадцать шесть;
На их лице сплошная спесь,
Сплошная пудра и румяна.
Но я, признаться, неохоч
Ловить экранные новинки.
Боюсь, испортить могут ночь
Такие вредные картинки.
Я знаю только из реклам
Истории «сильнейших драм»,
Истории пустого смеха
И думаю: весь этот хлам —
Одним бездельникам потеха.
Другая пища нам нужна!
Одна для всех племен и наций,
Порой дается нам она
В абзацах тайных прокламаций,
Под видом книжечек таких,
Ну, вроде «Пауки и мухи».
Большая сила скрыта в них —
Они зовут людей простых
Уйти от вечной голодухи,

От паразитов всех родов,
От всякой лжи земли и неба...
Побольше б нам таких плодов,
Такого умственного хлеба!
Сегодня думал сочинить
Тебе огромное посланье,
Но не сбылось мое желанье —
Оборвалась раздумья нить.
В полночный час, в тиши глубокой,
Когда стихов поток широкий
На волю рвался все сильней,
Хозяйка в комнате своей
На сон грядущий так молилась,
Что до меня из-за стены
Религиозной сей жены
Молитва ясно доносилась:
«Услышь меня, о боже мой,
Пошли мне милости святой.
Перед тобой, создатель, каюсь —
В греховном море я купаюсь,
Грехам не вижу я конца,
Без них не выйду и за двери,
Грешна и тем, что на квартере

Держу безбожника-жильца.
Пошли, спаситель, сон спокойный
Рабе смиренной, недостойной,
Избавь ее от всяких зол,
Монарший сохрани престол,
Победу над неверной силой
Пошли царю...» Ну как же, милый,
Писать посланье было мне
При этой бабьей болтовне?

Письмо пятое

Когда ж не буду я таскаться
По этим скверным мостовым
И в грязных улицах встречаться
На всех углах с городовым?
В спокойном нашем городке
Посты и стражники в избытке,
И в каждом встречном кабаке
Спиртные на виду напитки.
Крамоле здесь не расцвести,
Здесь пролетарий — гость
залетный,

Его слова, его пути
Заглохнут в тишине дремотной.
Кругом молчанье и покой,
Покорно сложенные крылья.
От деревенского засилья
Здесь пролетарий сам не свой.
Не скоро в жизни этой нищей
Борца-товарища отыщешь.
В глаза пытливо загляни —
Враждою не горят они,
Но вместо дружбы близкой, ясной
В них видишь холод безучастный.
«Подальше надо от греха...
На то и мы, чтоб гнули спину...
Своя изба, своя соха,
Да у станка дадут полтину...» —
На каждом слышится шагу;
И ох как редок ропот смутный!..
Сидишь и ждешь на берегу,
Дохнет ли ветерок попутный.
А в город выйдешь — там и здесь
Суровый страж на перекрестке:
Начальству отдает он честь,
Прохожих кроет бранью хлесткой,

Нахально липнет к мужику,
Смекает, где таится взятка,
И для острастки, для порядка
Берданку держит начеку.
Брани меня, но не могу я
Без смеха видеть, как порой
Здесь на посту городовой
Стоит, исправника почуя.
Начальство движется в обход —
Городовой стоит и ждет,
Он в землю врыт недвижно, твердо.
А вот и «сам»... Какая морда!
Как пламя, вся она красна,
Как пуховик, она пышна
И кверху нос задрала гордо.
А вся фигура — ой-ой-ой!..
Идет, гудит по мостовой.
Недаром, затаивши душу,
Начальства медленную тушу
Глазами ест городовой.
Ему в ту пору не до смеха,
А мне веселье, мне потеха:
Стою в сторонке у ворот,
Поджав от хохота живот.

К чему копейки трудовые
Платить в кино за дребедень,
Когда на сцены даровые
Могу смотреть я каждый день?
Мой друг, дивишься ты, как видно,
Что слишком дерзок я и зол?
Да, с музой скромной, безобидной
Я распростился, я ушел
От элегических творений,
От песен сладостных мучений,
За что и малый гонорар
Я вырывал почти насильно,
Потом редакторов умильно
Благодарил за этот дар.
Теперь с такими господами,
Как и с легальными стихами,
Расчеты кончил я вполне.
Друзьями лучшими ко мне
Приходят новые мечтанья.
Они — враги моих врагов.
Прошу читать мои посланья
И не просить других стихов!

Письмо шестое

В июльской знойной тишине
Сады и улицы заснули.
Но в самый чудный день могу ли
Забыть, не помнить о войне?
Два года, как она разбила
Надежды в думах и сердцах,
Два года, как растут могилы
В далеких западных полях.
Там льется кровь, там жизни
тают,
А здесь тоска свила приют,—
Живые мертвых сосчитают,
Но слез пролитых не сочтут.
Два страшных года миновало,
А палачам кровавым мало.
Сегодня, завтра и вчера —
Одни приказы в «Русском слове»:
«Вперед, смелее, марш, ур-р-р-а!
Врага утопим в море крови!»
Что ж? Начинайте третий
год,
Воюйте против супостата,
А мысль на сердце у солдата

Одна заветная живет:
Когда конец проклятой доле?
Где выход из тяжелых пут?
Бери винтовку поневоле,
Иди, куда тебя ведут.
Кругом устали от «работы»
Своих карманов патриоты.
Попы-святоши по церквам
Читают проповеди нам
О том, что нас постигли беды,
Что нужно биться до победы,
Что... Словом, всем известный
сказ:
Умри за буржуазный класс,
Умри за царскую державу,
А искалечат — не тужи,
Проси копеечку по праву
И гордо голову держи.
Пускай томит нужда и голод —
Все блага жизни просто прах,
Когда за подвиги в боях
«Георгий» на груди приколот.
О большем думать ты
не смей,

Защитник родины своей!
Про наши подвиги поэты
Поют продажные куплеты
И нас героями зовут.
О души низкие, молчите!
Понятно нам, кому вы льстите,
А славить нас — напрасный труд.
Но, впрочем, вам не все равно ли,
Какие высказать слова:
Куда подует ветер в поле,
Туда и клонится трава.
Мы не слыхали вас, не знали,
Когда вставали на борьбу,
Когда в голодную толпу
Сатрапы царские стреляли.
Свобода, свет ее лучей
Нам не сиял в ночи ненастной,
И гибнем в битве мы напрасной
За них, за наших палачей.
И ты, свой жребий проклиная,
Товарищ, пролил кровь за них
И больше прежнего, я знаю,
Теперь ты ненавидишь их.
И этой ненависти зерна,

Любя свободу всей душой,
Рассеешь ты в толпе людской,
Чтобы воздать злодеям черным
За кровь, пролитую в бою,
За рану тяжкую свою.
Они придут, часы расплаты —
Припомнишь мрачные Карпаты,
Припомнишь вшивую шинель,
В полях свинцовую метель,
Лихой мороз и голод зверский,
Кровавый фронт, бесправный тыл,
Где рядовому скулы бил
Мерзавец в форме офицерской.
Припомнишь все — и в грозный миг
Ты первый схватишь мести
штык.
Я, знаешь, воином не звался,
Солдатской кашей не питался,
Владеть винтовкой не могу.
Но, если грянут наши тучи,
Меня, конечно, ты научишь
Стрелять умело по врагу.

Письмо седьмое

Твое письмо звучит как песня,
Я вижу, стал ты веселей.
Ты пишешь мне: «Живу чудесно,
Учусь ходить без костылей.
Хромою, шаткою походкой
Брожу знакомою слободкой,
Друзей надежных завожу,
Их словом смелым дорожу.
Растут и крепнут наши люди,
Позорной не хотят судьбы.
Придет пора — и сила будет
Для новой битвы, для борьбы.
И я стараюсь быть здоровым,
Чтобы вернуться поскорей
К работе брошенной моей,
К полотнам белым и основам,
К родной семье...» Сердечно рад!
Хвала тебе, мой друг и брат!
Ты на работе будешь нужен,
Копи запас мятежных дум,
Твой молодой пытливый ум
Чужою бредью не контужен.

Теперь немного о себе.
Ура! Ура моей судьбе!
От маршировки, от винтовки
Освобожден покуда я,
В огонь всемирной потасовки
Не попаду до января.
А то, кто знает, может
статься,
И дальше буду оставаться
Я в стороне от бурь и гроз,
Которых тяжесть перенес
Ты, мой товарищ терпеливый.
Быть может, я с шинелью
вшивой
Знакомства вовсе не сведу,
Покуда царские лакеи
Еще сидят на нашей шее
И держат труд на поводу,
А буду тихо дни за днями
Я за фабричными стенами
В труде привычном провожать,
В часы досуга буду дома
К тебе послания писать
И на перине из соломы

Глухою ночью отдыхать.
Спешу открыть тебе причину
Того, что я не на войне,
А, добывая в день полтину,
Живу, как прежде, в тишине.
Живу я в доле неизменной
Потомственного бедняка,
Чтоб избежать грозы военной,
Для взятки нет и пятака.
Богатый, тот другое дело
(Кому война, кому доход),—
Задумал — откупился смело.
Зачем идти ему в поход?
А я оставлен по закону.
Позвали, слышу — говорят:
«Трудись вдвойне на оборону»,—
И я ответил: «Очень рад».
Встаю поутру рано-рано,
Ложусь к полуночи — война...
У торгашей трещат карманы,
А у рабочего — спина.
Кого потребовать к ответу?
В тылу делец, да вор, да плут
Лопатой золото гребут,

А у солдат шинелей нету.
На оборону! Эх, жулье!
Рабочий бьется до упаду,
А где у армии белье?
А где у армии снаряды?
Разграбили вы всю страну,
Вконец измученную прежде...
В какой вы греетесь надежде?
В какую правите волну?
Аллах,— хоть русский, хоть
татарский.
Мне все равно! — избавь меня
От злой беды, от службы царской,
Ее боюсь я, как огня!

Письмо восьмое

Сегодня день прошел иначе,
Прошел без грозных облаков:
Сегодня под напев станков
Не разливался лай собачий.
«Злодей-то, мастер, занемог,—
Поведал мне один рабочий,—
Почуял худо что-то с ночи...

Ну, так и надо. Дай-то бог,
Чтоб в одночасье он издох!
На свете нет такой скотины...
Какое дело, братец мой,
На днях случилося со мной.
Стою я этак у машины,
Слежу за ходом полотна,
На миг не забываю дела,
А дума сердцем завладела,
Сверлит и жжет его одна:
Когда же с гнетом мы постылым,
Когда покончим на Руси?
Трудись, работай не по силам,
А есть досыта не проси.
В бараний рог тебя согнули —
И слова высказать не смей...
Давно ли остывали пули
В крови ивановских ткачей?
Ох, время — черная обуза!
Живи без жизни и молчи,
Пока тебя стократным грузом
Не задавили палачи.
Все в их руках, все ими взято,
А мы в оковах, мы — рабы.

Скорей бы вновь, как было в Пятом,
Созреть, воскреснуть для борьбы...
Так думал я. А мастер рядом,
Готовый съесть ехидным взглядом,
Орет, от злобы чуть дыша:
«Ты дремлешь, мерзкая душа!»
В контору вызвали. В конторе
Кричал и топал на просторе:
Грозил отправить прямо в бой,
Метлою выгнать за ворота.
Его остервенелый вой
И вспоминать мне неохота.
В ответ я слова не сказал,
Хотя слова огнем горели,—
В мои глаза тогда смотрели
Детей печальные глаза.
Да, брат, скрутили нас, как видно,
Теперь любое выбирай:
Иль здесь неси весь гнет постыдный,
Иль там от пули умирай».
Так кончил речь свою рабочий.
А я, до складных слов охочий,
В досужный час, по мере сил,
Ее в куплеты превратил;

Потом в письмо включил до слова
Мою рифмованную вязь
И в ящик опустил почтовый,
Городовому поклонясь.
Я торопился, я не мог
Беречь отрадное известье,
Что даже в нашем скромном месте
Терпенью истекает срок.
Недолго нам сидеть у моря,
Себя покорностью позоря,—
Попутный ветер вновь подул,
Живые силы не убиты,
Услышат скоро паразиты
Народной бури грозный гул!..

Письмо девятое

Я не имею к славе жажды...
Я даже тем доволен был,
Что за стихи меня однажды
Простой сапожник похвалил.
А если бледные посланья,
Мой друг понравились тебе,—
Мои исполнились желанья

И счастлив я в своей судьбе.
С двойной охотою сегодня
К тебе писать я принялся,
И помогла рука господня
Письмо окончить в полчаса.
А не искал я впечатлений —
Взяла усталость, виноват,—
И день прошел без приключений
И был, пожалуй, скучноват.
Не заходил я в переулки,
Где от пылищи спасу нет,
И никакой другой прогулки
Не совершил я как поэт.
Письмо нечаянно родилось
(Как отзовешься ты — вопрос):
Что мне во сне вчера приснилось,
То на листы сполна занес.
Подобных снов я мало видел.
Приснилось мне, что речью злой
Попа Ивана я обидел,
Кричал решительно: «Долой!»
Долой за то, что прихожанам
Насчет евреев часто врет,
Что черносотенным туманом

Окутать хочет весь народ;
Долой за то, что не для бога
Живет и служит поп Иван,
А что деньжат довольно много
Кладет в бездонный свой карман.
Хозяйка, слушая, бледнела,
Язык не действовал у ней,
Потом гиеной посмотрела
И скрылась в комнате своей.
Потом текли худые слухи,
Как хлопья тины вдоль реки;
Сжимая злобно кулаки,
Шептались под окном старухи.
Городовых гремучий вал
Прохожих гнал своим напором,
Исправник шашкою сверкал,
Берданки щелкали затвором.
И был, казалось, поп Иван
Великой скорбью обуян.
Пылая ревностью духовной,
Сидел он грузный за столом,
Читал какой-то мне псалом
О разной суете греховной,
Учил меня овечкой быть,

Его, как пастыря, любить,
Ценой молитвы и смиренья
Стяжать небесные селенья.
Звучала пламенная речь
То наставленьем, то протестом,
Спускались волосы до плеч
И колыхались с каждым жестом.
Он приписал мне сто грехов,
Да так и не поставил точки,
Добрался до моих стихов,
Хотя не знал из них ни строчки,
О книгах вредных толковал,
Пророчил полный им провал.
Он защищал неутомимо
И божьи и свои права,
Журил он Горького Максима
За «непотребные» слова.
Я слушал бредни иерея,
Дымил махоркой листовой,
А он, возвысив голос свой,
Клеймил смутьянами евреев.
Он помянул про Пятый год,
Ругнул ивановскую Талку:
Мол, на такой шальной народ

Держать неплохо кнут да палку.
Я козью ножку докурил
И, сплюнув, так проговорил:
«Довольно, батюшка, трезвонить!
Меня трудненько урезонить,
Побереги святую дичь,
Иди других овечек стричь.
Служи молебны, панихиды,
Прощай грехи, звени рублем
И не питай ко мне обиды,
Что остаюсь я при своем».
Как вспыхнул он, как разошелся
(Бывают же дурные сны!):
«Так вот он, вот он где нашелся,
Преступник, чадо сатаны!
Не слово божье, а крамола
Ему любезна и близка...
Под суд, под суд еретика!
Казнить, казнить врага
престола!
Пошли стрелу свою, пророк!..»
И поп метнулся за порог.
«Не разъяснишь ли, дорогая,
К чему нам снится чушь такая:

К добру она иль не к добру?» —
Спросил жену я поутру.
«Ах, если поп во сне приснится,
Худое что-нибудь случится», —
Серьезно молвила жена.
А сны разгадывать она,
Поверь, большая мастерица.
Я согласился: «Да, да, да,
Ты в точку, милая, попала —
Иные пастыри немало
Приносят в жизни нам вреда».
Прими, мой друг, мое посланье,
А вместе с ним напоминанье:
Читая Маркса, не забудь
Письмо ответное черкнуть.
Гудок зовет, и я кончаю.
Уже станки в моих глазах...
От всей души тебе желаю,
Помимо прочих всяких благ,
Быстрей расти в своей науке,
Читать стихи мои без скуки
И не видать того во сне,
Что здесь порою снится мне.

Письмо десятое

Проходят дни, а жизнь все хуже —
Нужда покоя не дает.
Жена с утра о хлебе тужит,
Подметки по базарам бьет.
Дороговизна лезет в гору,
Растут отряды нищеты.
Война грозит, что близок голод,
И уж подводит животы.
Торговцы грабят без пощады,
Сбывают всякое гнилье,
Чужим хребтом построить рады
Благополучие свое.
Да что? Тебе ли неизвестно,
Что наша жизнь — позор и срам?..
Нужда гуляет повсеместно
По русским селам, городам.
И пусть! Гуляй, нужда, на воле,
Готовь последний грозный шквал,
Чтоб самодержец на престоле,
Как вор трусливый, задрожал!
Народ восстанет, гордый, смелый,
И всех к ответу позовет.

За голод, тюрьмы, за расстрелы
Царю и свите оголтелой
Отплатит трудовой народ!
Свободный, помыкать собою
Он не позволит никому,
Земля, добытая борьбою,
Не будет мачехой ему.
Владельцы фабрик и заводов,
Орава жадных торгашей,
Вам не видать былых доходов,
Как не видать своих ушей!
Попу Ивану скажут прямо:
«Не забывай, служитель храма,
Что с этих пор любой сверчок
Обязан помнить свой шесток.
Счастливый мир построят люди.
А тот небесный светлый рай,
То царство божье пусть уж будет
Приютом воробьиных стай».
У знаменитого поэта [1]
Стихи последние беру.
Ты не суди меня за это,

[1] Гейне.

Прости рабочему перу.
Читай и думай: вот мечтатель,
Разгорячился — не уймешь...
Не слишком рано ли, приятель,
Такие песни ты поешь?
Не знаю — рано иль не рано,
Прослыть пророком не хочу,
Но надоел палач Романов
И все, кто верен палачу.
Приедешь — будут разговоры,
Коснуться надобно всего.
В моей душе вопросов горы
Ждут разрешенья твоего.
Предвижу — вести неплохие
Пришлет Иваново с тобой:
Люблю его, как в дни былые,
Ведь это город мой родной.
Ведь я-то в нем почти родился.
Среди ткачей пошел я в рост.
На Талке в Пятом я учился
И не забыл Приказный мост.
И там и здесь рабочей кровью
Земля обильно полита...
На эти славные места

Придем мы с братскою любовью,
Когда свободы яркий луч
Разгонит мглу ненастных туч.
Душою бодр и силой молод,
Я ворочусь в любимый город,
К большой решительной борьбе,
К друзьям отважным и к тебе.
Признаться, Юрьев понаскучил:
Звонят вовсю колокола,
Исправник ходит туча тучей —
Вскружили голову дела;
Такого гонору набрался,
Что страшно и встречаться с ним,
На подозреньях помешался,
Стал Пришибеевым вторым.
И мне пора сказать: довольно
Подобных писем. Вижу сам,
Что я писал немножно вольно,
Грубил земле и небесам.
И мне понять пора настала,
Что есть цензура — царский пес,
В столбцы газет, в листы журнала
Она сует свой грязный нос.
А вдруг возьмет и прочитает

Мое простое письмецо,
Глазами злобно засверкает,
Нахмурит подлое лицо?
Тогда прощай, мой друг любимый,
Прощай, супруга и сынок:
Устроят суд неумолимый,
Запрут беднягу под замок.
А потому — скорей за дело,
Исполни дружеский совет:
Беги на станцию и смело
Купи до Юрьева билет.

1915—1916

РАССКАЗ ЗЕМЛЯКА

1

Мне — полсотни.
Что ж? Полсотни —
Еще годы не такие,
Чтобы только из каморки
Наблюдать за ходом жизни.

Инвалидом, слава богу,
Я пока еще не числюсь,
С трудовым высоким стажем
Порывать не собираюсь.

Прохлаждаться за работой
Не умел я с малолетства,
Уж такой, друзья, характер
Воспитал во мне отец.

У меня во всем порядок,
Чтобы люди любовались,
Чтоб работа песни пела,
А не плакала в руках.

Шесть годов я пас скотину,
Тридцать был на производстве,
А сейчас, как выдвиженец,
В областной сижу газете.

Я люблю литературу.
В пастухах еще немало
Сочинил я прибауток
О житье родной деревни.

Прибауткой да свирелью
Тешил я табун широкий,
И мычаньем гармоничным
Отвечали мне коровы.

139

После в городе текстильном
Променял я по ошибке
Волю звонкую поэта
На ворчливую жену.

Темной бабе непонятно:
По какой такой причине
Муженек ее, рабочий,
По ночам сидит за книгой?

То шуршит листком бумажным,
То пером скрипучим водит.
Уж не письма ли зазнобе
Пишет ветреный супруг?

Бабьи думы от обиды
Скачут бешено к досаде:
«Я разведаю, дознаюсь,
Я разлучницу найду».

А разлучница лихая
Называлась просто песней
И в конце имела дату —
Девятьсот девятый год.

Смех и горе было с этой
Поэтической дорогой:
Жди не жди —
Совет разумный
Ниоткуда не придет.

С литератором почтенным
Повстречаться было трудно, —
Городок провинциальный
Неудобен для талантов.
А какой-нибудь приказчик,
Счетовод интеллигентный,
Кроме «ро́манов» дешевых,
Ничего читать не думал.

В те года газетой местной
Управлял редактор Зайцев;
И засел редактор Зайцев
В голове моей, как гвоздь.

Я сказал себе:
Основа
Будет в этом человеке,

Все мечты ему открою,
Все стихи ему прочту.

Ну, и выпал день отменный,
День, каких не повторится.
С тихой робостью вошел я
В недоступный кабинет.

Тут и вырос предо мною
«Уважаемый редактор»
(К «уважаемому» раньше
Прибавляли — «господин»).

Только где я?
Или солнце
Горьким пьяницей кабацким
Нынче стало,
Или ветер
Хмелем голову вскружил?

Окатил меня нежданно
Крепкий запах перегара,
Будто вместо кабинета
Я попал на винный склад.

Сам редактор был взлохмачен,
Говорил охрипшим басом.
Я стоял как виноватый,
Глупо хлопая глазами.

Пробежал он торопливо
По моим корявым строчкам:
— Где работаешь?
— В отбельной.
— Где учился?
— У дьячка.
— А на фабрике отбельной
Есть у вас социалисты?
— Я недавно из деревни,
Я в отбельной новичок.
Малограмотен к тому же...
— Грамота — пустое дело;
Не к лицу она рабочим,
Заведет она в тупик.

Без ума учиться худо...
Скороспелый грамотей
От азов идет в крамолу,
А оттуда — за решетку.

Он скрестил четыре пальца,
Посмотрел как бы в решетку:
— Вот куда ведет наука
Деревенских вахлаков.

Хочешь дела —
Так держи ты
Оба уха настороже:
Слушай, слушай каждый шепот
Против власти и закона.

Запиши преступный шепот
И — сюда...
Работай честно,
Днем и ночью стой на страже
Государевых основ.

Что стихи? Игра словами,
Вредная игра порою:
«Доля», «воля»...
Ты не знаешь,
Где слова взялись такие?

Есть на свете стихоплеты,
Нарушители порядка.
Сплошь и походя кидают
Запрещенные словечки.

Но певцов звонкоголосых
Мы умеем брать за пищик,
Чтобы музыкой приятной
Заливались, как прикажем.

Хочешь быть слугою верным
Нашей веры православной,
Нашей власти предержащей —
Я не против,
Сочиняй.

За пример бери вот это:
«Птичка божия не знает...»
Написал, кажись, Никитин.
И, по-моему, умно.

За порог редакционный
Я едва перевалился...
Ветер, ветер, освежи ты
Грудь разбитую поэта!

2

День осенний хмурит брови.
Как не хмурить, в самом деле,
Если грязное болото
Люди городом считают!

Сапоги на мне простые,
Густо смазанные дегтем,
Незавидная тужурка
И поношенный картуз.

Обходя гнилые лужи
И кисельные озера,
В день сентябрьский я добрался
До паршивого вокзала.

В багаже —
Стихов тетрадка.
«Гнев» остался на квартире:
«Нажила себе заботы
Я с сокровищем моим».

А «сокровище» в вагоне
Приросло к окну.

Еще бы —
В первый раз бегун чугунный
С ним пускается в дорогу.
Эх, куда ж я затесался?
Вон она, Москва, какая...
Растолкуй, городовой:
Как найти Девичье поле?
Приподняв усы, как пики,
Он спросил:
— Откуда будешь?
По каким делам приехал?
Есть ли паспорт? Покажи. —
По складам прочитан паспорт,
Путь указан.
Дую дальше...
Стоп! Довольно.
В этом доме
Человек живет известный.
Сам он вышел мне навстречу,
Взглядом ласковым окинул
Сапоги мои простые,
Густо смазанные дегтем.
В кабинете было тесно.
По стенам его стояли

Шкафы с книгами,
Как соты,
Переполненные медом.
Над столом портрет без рамы:
Лев Толстой за плугом ходит,
Небо, пашни,
Развевает
Ветер бороду седую.
«Злу противиться не нужно,—
Говорил учитель новый.—
На земле все люди — братья;
Всех люби и все прощай.
А стихи печатать будем:
По душе мне эти нотки
Тихой грусти и смиренья, —
Так писал и пишет Надсон...»
После долгих разговоров
Наше кончилось свиданье.
Уходя из кабинета,
Я раздумался порядком:
Горя много в нашей жизни,
В наших песнях грусти много,
Но любить врага, как брата,
Нас заставить мудрено.

3

Годы — птицы или тучи,
Назовите как угодно, —
Пролетели, вдаль умчались,
Никаких преград не зная.

Время темное зарыто.
В мире мир основан новый —
Мир свободы.
В этом мире
Труд —
Единственный хозяин.

Не грозит редактор Зайцев.
Имя этого жандарма
Вспоминать хотя бы редко
Никому охоты нет.

За учителем известным
Не шагнул я и полшага:
На земле его идеи
Промелькнули и погасли.
А жена?
Жена все та же,
Только мыслит по-иному:

Ей, ударнице-ткачихе,
К старине возврата нет.

И стихи мои не скучны
Этой новой грамотейке,
Даже нужное словечко
Мне подскажет иногда.

И о городе текстильном
Поведу я речь другую:
Город, город мой родимый,
Как ты дорог мне теперь!
Не устану любоваться
Красотой широких улиц,
Корпусами новых фабрик,
Что похожи на дворцы!

Хорошо в толпе веселой
Мимо каменных громадин
До окраины зеленой
Шумным городом пройти.

На окраине зеленой,
На пригорке домик низкий:
Тонет в солнечном сиянье

Мой бревенчатый старик.
Тихо дни мои проходят
Под его приветной крышей,
За окном весенний садик
Будто инеем осыпан.

Книга,
Мудрый собеседник,
Неизменна, как и прежде;
И друзья стучат нередко
В обветшалую калитку.

Так живу я,
Сердцем веря
В силу истинной науки,
В силу дружбы нерушимой
Всех людей
Страны родной.

Нет грозы такой на свете,
Чтоб затмила наше небо!
Так живу я,
В песне славя
Труд и родину ткачей.

1933

ТАЛКА

Наш город рабочий давно мне знаком.
Здесь юность прошла по дороге суровой.
Пятнадцати лет поступил я к Витову —
Нужда разлучила с родимым селом.

Хлебов недостаток, земли в обрез.
Отец поседел и одрях, батрача.
Подросток не меньше большого ест, —
Вези его в город, ленивая кляча!

Пропал за кустарником старый плетень,
Пустой полустанок, отец на привале...
Недорог на фабрике каторжный день,
Но выхода нет и будет едва ли.

Сказать о хозяине что я могу?
Не часто Витов навещал отделы.
Верные слуги на каждом шагу
Оберегали хозяйское дело:

«Живи, фабрикант, да надейся на нас:
Рабочий не смеет промолвить полслова,
Не то за ворота проводим тотчас, —
Взамен его целая сотня готова».

Бывало, смотритель к себе призовет,
Расспросит о жизни почти от рожденья,
Как будто и добрый, а после начнет
Читать, только слушай, свои наставленья:

«Хозяин для нас — все равно что отец.
Будь верен ему, а он не обидит.
Седой старичишка, чумазый малец —
Вы все на учете, он каждого видит.

Подростка потачкой нельзя баловать,
В строгости крепкой держи мальчишку,
Иначе осмелится на слова,
А после — любуйся — возьмется
за книжку.

На черта нам нужен начетчик такой?
Нам дело хозяйское выполни точно:
Дозволит начальство — ступай на покой,
Прикажет — работай всю ночь сверхурочно.
Стоит ротозей да мигает совой,
Не чувствует будто ни слова, ни взгляда —
Беру за вихры...ничего...так надо.
И пусть он, как маятник часовой,
Без смены качается у самоклада.

Вас много. Попробуй пусти вразброд —
Хозяйская шея не стерпит, пожалуй.
Мы служим по чести, и дело идет:
На фабрике кормится старый и малый.

Утроим старание, чтоб развилась,
Окрепла «Витовская мануфактура»...»
...Такими речами воспитывал нас
Смотритель Рогов — продажная шкура.

* * *

Нуждою и стужей томила зима.
Путем беспокойным тянулись недели.
Жила в корпусах, наполняла дома
О Питере весть, о злодейском расстреле.

С весною проснулся и город
ткачей,
Город дворцов и лачуг убогих.
Еще не знавала подобной тревоги
Сытая свора тузов-богачей.

Стоп, машина! Со шкива ремень!
Ситец обрызган потом и кровью!
Восьмичасовой рабочий день!
Повысить ставки, улучшить
условия!

Площадь дыханьем толпы горяча,
Улиц каналы полны до края.
Вместо трибуны — плечо ткача...
«Тише! Слушайте! Говорит
Дунаев!»

Двинулись с площади городской,
Правдой своей прогремев над нею.
Реяло знамя над Талкой-рекой,
Знамя, весенней зари яснее.

Ожили склоны широких лугов,
Лес поклоном гостей встречает,
Солнце да ветер над морем голов,
Талка внизу хрусталем сверкает.

С ее берегов наше гордое «нет»
Бурным шквалом летело в палаты;
Здесь основался рабочий Совет,
Здесь заседали ткачи-депутаты.

Ночь наступала не только для сна,—
Тропинки лесные, пароль, тишина,
Идем на массовку. О воле, о счастье,
О жизни иной, без тюрьмы и оков.

Беседовал с нами «Отец» — Афанасьев,
Старейший из партии большевиков.
В сердце остались многие встречи —
И труден и радостен путь боевой.
Разве забудешь Арсения [1] речи,
Где каждое слово дышало грозой!

---

[1] Арсений — партийная кличка М. В. Фрунзе.

По тесным углам мы потом разносили
Мысли и думы наших вождей,
Веру живую в народные силы,
Яркий свет большевистских идей.

* * *

Росла, закалялась в огне забастовки
Рабочая воля. Настанет день —
В тысячах рук прошуршат листовки —
И дальше, в темную глушь деревень.

Над Талкой, как ветер, как буйное пламя,
Ширилась песня то там, то тут:
«Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут».

Пыльную улицу вдоль разрезав,
Вылетел за город конный отряд.
Сердце холодное жестче железа,
Под козырьком полупьяный взгляд.

Что для них Талка?
Пойдут на брата,

Горе и смерть понесут матерям,
Если предписывает губернатор,
Если ведет полицмейстер сам.

Вот она — Талка. За нею другая —
Большая людская живая река.
Верна астраханцу нагайка тугая,
В расправе жестокой не дрогнет рука...

Брошен приказ... По равнине открытой
Рыхлую землю взрывают копыта,
Вихрем проносится желтый лампас.
Грохот свинцовый — и падают люди.
Сосен смолистых широкие груди
Только и были защитой для нас.

Что же? Хотели порвать наше знамя,
Похоронить раскаленные дни?
Нет! Ни нагайкою, ни штыками
Наших сил не сломили они!
Ссылка сменяла расстрел озверелый,
Но ветер Талки шатал корпуса,
Под темные своды врывался смело
В людские взволнованные голоса.

Уже не звучать им покорностью низкой,
Назад не вернуться молчанью раба:
Стало для нас дорогим и близким
Слово немеркнущее — БОРЬБА!

Слово, подобное вешнему грому,
Перед которым дрожат враги, —
Мы пронесли его сквозь погромы,
Через курганы славных могил.

Взорваны старых законов основы,
Мусор истлел и порос травой.
В жизнь претворенное Лениным
Слово
Поднял мир над своей головой.

1943—1948

ДЕТСТВО

Село родное, Сорохта моя,
Твоих полей давно не вижу я.
Из тех картин, быть может, многих нет,
Что я в душе храню от детских лет.
О детство, детство — резвая пора!
Пускай ко мне была ты недобра —
С улыбкой, с грустью, глубоко любя,
Я не устану вспоминать тебя.
Уже седьмой десяток я живу,
А хочется взглянуть на ту траву,
Где бегал я ребенком лет шести,
Довольный тем, что буду жить, расти;
Довольный тем, что день приходит в срок,

А ночью сон спокоен и глубок,
Что есть какой-то у меня приют,
Тогда как выюги снежные поют.

* * *

Припоминаю сверстников моих.
Давным-давно мне вести нет от них.
Про их судьбу и скудные слова
Не принесла людская мне молва.
Сойтись бы нам за праздничным столом,
Потолковать о новом, о былом,
На пройденный бы оглянуться путь
И мимоходом детство вспомянуть.
Но к одному в домашней тишине
Приходят дни далекие ко мне.

* * *

Тепло и ярко солнышко весной,
Небесный свод блестит голубизной,
По воле ветра, зелен и душист,
Зашелестел березок свежий лист.
Воздушных легких домиков жильцы,
Веселой трелью радуют скворцы,

И, отражаясь в зеркале пруда,
Крикливых чаек носятся стада.
Село мое, родная сторона,
Как по душе была твоя весна:
Другой красы — чудесной, золотой —
Я не искал ребяческой мечтой.

* * *

Не позабудешь летние деньки.
Тропинки все знакомы и легки.
За долгий день покойных нет минут:
Босые ноги где не пробегут?
В пыли дорожной теплой колеи
С утра следы проложены твои,
По травам росным вьется полоса —
Здесь под ногой осыпалась роса.
Лесную дрему будит детский гам;
От зорких глаз не спрятаться грибам.
Трусливый заяц промелькнул на миг,
Из-под осинки глянул боровик,
И вдруг охватит радости поток —
Перед глазами беленький грибок.
Наклонишься, берешь его, как клад.

В глуши ветвей таишься от ребят.
«Ау, ау!» — во всем лесу звенит,
А тут полянка светлая манит,
Ты к елочке кудрявой держишь путь,
Под каждый кустик рад бы заглянуть.
Но уж полна плетюшка до краев
Румяных, крепких, молодых грибов.
Пора к домам. Прощай, лесная тень!
Над полем жаркий разгорелся день.

* * *

У самой церкви, на краю села,
Где в ближний лес дорога пролегла,
Обширный сад раскинулся, и в нем
Еще стоял старинный барский дом.
Хозяин сада — сельский богатей,
Мужик-вахлак, случайный грамотей.
Но каждый двор крестьянский на селе
Держал Захарыч в жесткой кабале.
Лесами он да пашнями владел,
Торговлю бакалейную имел,
И мельницу, и собственный кабак.
Округе всей известен был кулак:

Где есть нужда, где горе гнет семью,
Там паутину вяжет он свою.

* * *

Преображенье — праздник годовой.
Село в заботах вязло с головой:
К Захарычу везли мешками рожь,
Он выжимал последний медный грош;
Ему барыш — крестьянину разор.
А гости едут семьями на двор...
Махни, бедняк, рукой на всю нужду —
Развеселись хоть раз один в году:
Родню за стол с приветом усади,
За чаркой полной душу отведи!
По улице торговцев длинный ряд.
Завидная приманка для ребят —
Орехи, груды яблок наливных.
Глотая слюнки, ходишь мимо них.
Отведать бы хоть малость леденца,
Да пустота в кармане у отца —
Все медяки Захарычу отнес
И сам в хмелю сидит повеся нос.
В долги залез уже на целый год —
Кулак за все сторицею берет.

* * *

Краса простая тихого села,
Ты завсегда по сердцу мне была!
Чего хотеть,— я думал сам с собой,—
Когда у нас за каждою избой
Черемухи с рябинами растут,
Когда у нас такой громадный пруд,
Что и версты, быть может, подлинней!
Пусть нету в нем ни щук, ни окуней,
Зато карась блестит, как золотой,
Когда на леске бьется над водой!
А в летний жар купанье — красота!
Уж я-то знаю лучшие места,
Где никогда не бойся утонуть:
Идешь, идешь, а все — вода по грудь...
А колокольня? Эх, и высока!
За купол задевают облака!
Вот только бы отец получше жил:
Свою бы избу новую срубил,
Пахал бы пашню острою сохой.
И я бы рос — помощник неплохой.

* * *

Оставив рано тесное жилье,
Угрюмое, чужое, не свое,
К богатому кулацкому двору
Отец и мать спешили поутру
За черный хлеб работать дотемна.
Была со мною бабушка одна,
Прильнет, бывало, к внуку своему,
Не даст его в обиду никому:
Я за порог — и ей не усидеть,
Глаза свои готова проглядеть.

* * *

Воскресный день. Избенку на замок.
Шагаем гладью полевых дорог,
До деревушки ближней, где не раз
Сердечным словом принимали нас.
Идем, и внятно слушает простор
Наш задушевный тихий разговор:
— Ах, бабушка, скажи ты мне, скажи —
Где будут цвесть полоски нашей ржи?
Когда отец посеет свой овес?
В какой лужок пойдем мы на покос?—

И слышался мне горестный ответ:
— Полей у нас и не было и нет;
И не бывать у нас своей земли —
Мы, внучек мой, бездомки — бобыли.
Твой дедушка до времени увял,
Под розгами помещика стонал;
Дождался — дали волюшку ему,
А вместе с волей — нищую суму.
Отец твой хлеба досыта не ел
В те дни, когда Захарыч богател,
И посейчас не разогнул горба...
Ох, тяжела батрацкая судьба!
Но не тужи, мой мальчик, не грусти —
Придет пора — найдешь свои пути;
Одно лишь помни в жизни ты своей;
Что не в богатстве счастие людей.

* * *

Нешироки крестьянские поля;
И здесь и там, чернея как змея,
Среди посевов тянется межа
И губит их и режет без ножа.
Узка полоска, колосом бедна:

Немного пахарь соберет зерна.
Пойдет он в город зиму зимовать,
Богатым людям силу продавать.
Один Захарыч без нужды живет,
Чужою силой сеет он и жнет;
И мельница-ветрянка на ходу,
И яблоки румянятся в саду.
И в кабаке не тихо: грусть-тоска
Поет и плачет — гостья кабака.

* * *

Светла дорожка в золоте полей.
А вот и лес; вершиною своей
Нам за поклоном отдает поклон,
Навстречу льется птичий перезвон.
У ручейка присядем на траву,
Кукушки однотонную молву
Послушаем. Кукушка, дай ответ,
Скажи по правде: сколько жить нам лет?
А рядом сеча, молодой лесок —
Для земляники славный уголок.
Как утерпеть? И я уже в кустах:
Цветы, цветы да ягоды в глазах.

* * *

Вдоль деревушки тихо мы бредем
И возле окон терпеливо ждем.
Поет молитвы бабушка моя,
Привычным тоном подпеваю я:
Науке этой в пору зимних дней
Учился я у бабушки моей,
Когда сидел на печке без сапог
И на прогулку выбежать не мог.
На голос нашей жалобной мольбы
Хозяйки выходили из избы,
Ломтями хлеба наделяли нас:
«Для праздника примите в добрый час:
Не от избытка подает рука,
Да жизнь-то ваша, знаем, нелегка;
Примите, христа ради, может быть —
И нам придется по миру ходить...»
Усталые, с наполненной сумой
Под вечер приходили мы домой.
Встречал отец без слова, только мать
Спешила сына ласково обнять.
Но видел я — туманила слеза
Родные материнские глаза.

* * *

Потом не стало бабушки моей.
А время шло. На смену теплых дней
Желтела осень, лютовал мороз.
Вот я уже до школьника дорос:
Меня одели с горем пополам.
Сижу, букварь читаю по складам.
Выводит буквы робкая рука.
Но сладко думать сыну батрака:
Он по отцовским не пойдет следам,
Он выучится многому. А там —
В просторный класс учителем придет.
Среди людей большой ему почет:
Кого в селе ни повстречает он —
Всяк отдает учителю поклон,
По имени старается назвать,
Гордится им неграмотная мать.
Но... не сбылися думки, не сбылись,
Сухой листвой по ветру унеслись.

* * *

Был день весны торжественно пригож:
В потоках света серебрилась рожь,
Чернели пашни свежей бороздой.

Звенела жизнь природы молодой.
В тот день свои покинула края
Бездомная бобыльская семья.
Лежал наш путь в фабричное село,
Тянула кляча наше барахло,
В телеге шаткой искрился, как жар,
Краса хозяйства — медный самовар.
Я не грустил: чего, мол, горевать?
Лишь захочу — вернусь сюда опять.
Но не вернулся к милым я местам,
Одна мечта блуждала долго там:
То слушал я как будто шум лесной.
Кукушка звонко говорит со мной;
То по тропинке полевой бежал,
То будто бы цветами украшал
Могилу доброй бабушки моей
Под свежей тенью липовых ветвей
В углу кладбища. Только и всего
Осталось мне от детства моего.

* * *

Летели дни обычной чередой
Все дальше, дальше. С горькою нуждой
Мы не прощались и на миг один.

Царил над нами новый господин.
То — не Захарыч, сельский живоглот —
В сто раз сильней его проклятый гнет:
Уж не десятки — тысячи людей
Давил нещадно властью он своей.
В фабричный корпус к ткацкому станку
Бежал отец с зарею по гудку
На долгий день сурового труда.
Детей-подростков голод вел сюда
Ткать миткали, работать за гроши,
Капиталисту множить барыши.

* * *

И мне пришлось пройти немало лет
Путем отца. Но я увидел свет,
О чем отец и помышлять не мог:
Мой мир прекрасен, волен и широк;
Чудесный сон открылся наяву:
Подругой верной песню я зову,
Она свободной долей мне дана,
Помолодевшим сердцем рождена.
И счастлив я, и счастлив весь народ,
Что под советским солнышком живет.

1948

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Поэмы

Благов А. Н.

Б 68 Стихи. Ред. коллегия: И. Л. Гринберг и др. Вступит. статья М. А. Дудина. Сост. и подгот. текста В. С. Жукова. М., «Худож. лит.», 1977

174 с. (Б-ка сов. поэзии)

В сборник одного из старейших пролетарских поэтов А. Н. Благова (1883—1960) вошли его лучшие стихотворения и поэмы. В них рассказывается о тяжелой доле рабочего в царской России и о радости мирного, освобожденного труда после победы Октября.

Б $\frac{70402\text{-}315}{028(01)\text{-}77}$ 94-76 Р2

Александр Николаевич
Благов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор С. Купрашевич
Художественный редактор
Ю. Боярский
Технический редактор
Е. Полонская
Корректор Н. Усольцева

Сдано в набор 4/III 1976 г. Подписано к печати А14377 от 12/X 1976 г. Бум. типографская № 1. Формат 84×108[1]/64. 2,75 печ. л. 4,62 усл. печ. л. 4,167+1 вкл.=4,214 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Зак. 7566. Цена 55 коп. Издательство «Художественная литература», Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.